

Торушев Э.Г.

(г. Горно-Алтайск, Россия)

**Коллективизация сельского хозяйства Горного Алтая
в конце 1929 – первой трети 1930 г.**

Коллективизация сельского хозяйства в Горном Алтае достаточно широко изучены в публикациях советского периода Л.П. Потапова, В.А. Демидова, И.П. Эдокова и т.д. Но особенно проблемные вопросы по ряду причин были недостаточно глубоко проработаны (Потапов Л.П., 1953; Демидов В.А., 1963; 1970; Эдоков И.П., 1974; 1987).

В постсоветский период в изданиях «История Горного Алтая. В трех томах» и «Горный Алтай: история социального развития первой половины XX века» были освещены некоторые негативные факторы, связанные с коллективизацией, которые умалчивались авторами в советский период (История Горного Алтая, 2000; Горный Алтай: история социального развития первой половины XX века, 2007).

Социалистическая перестройка аграрного сектора Ойротии (Горного Алтая) начатая в 1928 г. требовала своеобразного подхода определенными многими особенностями региона. В данной работе будет сделана попытка глубже рассмотреть процессы переустройства сельского хозяйства Ойротии периода конца 1929 и первой трети 1930 г. События, связанные с коллективизацией в это время, автор считает одни из самых динамичных и трагичных в первом этапе социализации сельского хозяйства региона (первый этап связан с первой пятилеткой 1928-1932 г.), которые в будущем будут иметь большой резонанс. В качестве источников будут использованы архивные материалы Комитета по делам архива Республики Алтай (КПДА РА): Фонд № 1. Ойротского областного комитета РКП(б).

В 20-е годы XX в. политическое руководство Советского Союза принимает курс индустриализации страны. Быстрый рост центров индустрии увеличил численность городского населения, вызвал огромную потребность в продовольствии, а промышленность в техническом сельскохозяйственном сырье. И правительством была взята установка на коллективизацию сельского хозяйства. Партийное руководство считало, что старая мелкотоварная экономика, как в промышленности, так и в сельском хозяйстве является преградой в построении социализма в стране. С другой стороны, индустриализация, которая также должна была начаться и в сельском хозяйстве (внедрение машин и механизмов) могла быть эффективна лишь в масштабах крупных хозяйств.

В Ойротии политика коллективизации в 1928 г. начинается с всесторонней поддержки коллективных и бедняцких хозяйств (Демидов В.А., 1970, с.142; КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 448. Л. 1,2,3; Эдоков И.П., 1987, с.71, 75). В результате усиления организаторской и массово-политической работы произошли заметные сдвиги в развитии социализации сельскохозяйственного сектора в регионе (Демидов В.А., 1970, с.142; КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 448. Л. 1,2,3; Эдоков И.П., 1987, с.73). Если от общего числа крестьянских хозяйств колхозы в 1927 г. объединяли 1,8% хозяйств Горного Алтая, то к октябрю 1928 г. уже было 2,54 % (Екеев Н.В., 1988, с.126; Демидов В.А., 1970, с.145).

Для проведения дальнейшей своей политики коллективизации сельского хозяйства в Ойротии партийное руководство с помощью жестко контролируемых выборов 1929 г. вводит в сельские Советы ту часть крестьянства, которая всегда будет поддерживать все начинания советской власти. Предварительно до выборов были выявлены кулаки и баи, которых затем лишили избирательного права. Данное способствовало тому, что традиционно влиятельная в экономической, политической и общественной сферах жизни у населения аграрного сектора области, особенно у коренного и казахского этноса, зажиточная часть, утрачивает свои позиции и оказалась в изоляции (Политика раскулачивания в Сибири, 2000, с.11; КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 481. Л. 89-98; Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области, 1973, с.181, 196; Эдоков И.П., 1987, с.76).

Поспешность колхозного строительства в области стала допускаться с осени 1929 г. Хотя колхозы в основном создавались на добровольной основе, но их организационно-

хозяйственному укреплению не уделялось должного внимания. Не хватало специалистов агрономов и зоотехников, счетоводство находилось в запущенном состоянии. Некоторые руководители аймаков начинали форсировать коллективизацию, создавая карликовые колхозы (Демидов В.А., 1970, с.152).

В начале декабря 1929 г. на бюро обкома ВКП(б) рассматривался вопрос о темпе коллективизации в Горном Алтае. В постановлении отмечалось, что колхозное движение набирает высокие обороты даже в кочевых районах области. Переоценка действительного положения на местах создавала у руководящих партийных и советских работников области настроение в пользу ускорения темпов коллективизации. В результате было принято решение вовлечь в колхозы к весне 1930 г. не менее 25% крестьянских хозяйств. Решением бюро обкома партии от 25 октября 1929 г. совершенно необоснованно Усть-Канский, Онгудайский и Уймонский аймаки были объявлены районами сплошной коллективизации. Хотя к этому времени было коллективизировано в Усть-Канском аймаке 35,8%, в Онгудайском – 17,6%, Уймонском – 9%. Не были учтены социально-экономическое развитие различных районов и степень подготовленности крестьян-скотоводов к вступлению в колхозы (Эдоков И.П., 1987, с.83).

В январе 1930 г. количество колхозов достигло 171 и объединяли 18% крестьянских хозяйств. На первых порах советским и партийным органам только администрирование давала видимый успех в социализации сельского хозяйства, так как при отсутствии необходимых предпосылок коллективизацию иным путем не возможно было выполнить. За январь и февраль 1930 г. Западно-Сибирский краевой комитет взял курс на создание преимущественно коммун. Соответственно в Горном Алтае число коммун увеличилось с 3 в 1928 г. до 23 в 1930 году. Начали создавать крупные коммуны, объединяющие несколько колхозов. Руководящим работникам казалось, что обобществление всего продуктивного скота поможет сохранить его от уничтожения. При этом забывался ноябрьский Пленум ЦК ВКП(б) 1929 г., который указывал, что национальные районы, где «сильны были пережитки патриархально-феодалных отношений» не были готовы к таким переменам. Поэтому в этих районах основными формами колхозного строительства на первых парах должны быть простейшие производственные товарищества по совместной обработке земли или совместному содержанию скота (Эдоков И.П., 1987, с.87-88).

В коллективных хозяйствах обобществлялась вся находившаяся в наличии крестьян продуктовая живность, в чем не было нужды. Так к 25 февраля 1930 г. за время «сплошной коллективизации», кроме лошадей, КРС (крупнорогатый скот), МЛС (мелкорогатый скот), свиней и маралов в колхозах области было обобществлено птиц – 28997, кроликов – 4135 (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 578. Л. 98).

Ошибкой в коллективизации было и то, что в некоторых местах начали создаваться колхозы-гиганты, без учета того, что объективных для этого условий не было. В некоторых районах создавались хозяйства с пастбищами и сенокосами в 70 тыс. га. Созданные при отсутствии кадров и материально-технической базы колхозы-гиганты вызывали только недовольство крестьян (Эдоков И.П., 1987, с.88).

Особенно широкие размеры спешка и администрирование приняли в Усть-Канском аймаке. Секретарь Усть-Канского райкома Давидович, инструктируя 9 января 1930 г. работников по коллективизации требовал, чтобы они убыстрили темп работы «нажать на коллективизацию, так как нас догоняют Онгудайский, Шебалинский и другие аймаки. Мы имеем 60% коллективизации, а Онгудай – 57, Шебалино – 50». В аймаке начались случаи насилия над теми, кто не хотели вступать в колхозы. Так уполномоченный «Усть-Канского АИКа» (аймачный исполнительный комитет) в с. Белый-Ануй угрожал женщинам винтовкой «... за отказ пойти в колхозы». В Талицкую коммуны Усть-Канского аймака вступила семья бедняка С. «имеющий жену и 5 человек маленьких детей». Когда жена бедняка С. подала заявление об уходе с коммуны, ее исключили и потребовали от мужа, чтоб он с ней разошелся. Но муж не дал развода, и его также исключили «а имущество не возвратили». При попытке жены забрать свою корову, она была избита коммунаром (Эдоков И.П., 1987, с.88; Демидов В.А., 1970, с.152; КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 576. Л. 10, 13].

Увлеченные первыми успехами колхозного строительства в Горном Алтае, пленум

обкома партии, состоявшийся в начале февраля 1930 г., принял ошибочное решение об осуществлении сплошной коллективизации весной текущего года: «Широкое развитие колхозного движения в области, охватившее к 1 февраля 47% всего населения, поставила перед партийной организацией задачу – закончить коллективизацию всей обжитой части области в текущую сельскохозяйственную компанию» (Демидов В.А., 1970, с.153; КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 574. Л. 9). В некоторых случаях коллективизации проводились в течение нескольких суток. «Сплошную коллективизацию того, или иного села, урочища, объявляли в 24 часа, а в лучшем случае в «пятидневку». Для достижения положительных результатов использовали различные методы. «Беднячке Н. у которой после родов прошла только одна неделя, была больная, за отказ вступить в коммуну, – предложили немедленно выселиться из дому» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 576. Л. 11-12). Так по Чемальскому аймаку на 25 января 1930 г. было коллективизировано 43%, через 5 дней – 67%, а на 20 февраля – 96%. В Лебедском аймаке в течение нескольких дней процент социализированных хозяйств возрос с 5 до 85%. В Кош-Агачском аймаке, где население вело кочевой и полукочевой образ жизни, было коллективизировано 80% хозяйств скотоводов. Всего на 20 февраля 1930 г. в колхозах области было объединено 18586 хозяйств или 81,4%. Но высокий процент коллективизации к началу 1930 г. не отражал действительного положения. Значительная часть крестьянских хозяйств Горного Алтая, особенно кочевых и полукочевых районов, не была еще готова к вступлению в колхозы (Эдоков И.П., 1987, с.87). Тех единоличников, которые не хотели вступать в колхозы, запугивали: «Если будете оспаривать, не пойдете в колхозы, будем садить на камни», «Кто не вступит в коммуну, произведем опись имущества, т.к. есть такой закон. Советов не будет и некому Вас будет защищать», «У нас в аймаке (Усть-Кан) коллективизировано 96%, а с 4% и говорить не будем, кто не пойдет тех немедленно выселим», «Кто не пойдет в коммуну тот помощник Чемберлена» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 576. Л.10, 11).

Наряду с политикой сплошной коллективизации сельского хозяйства сталинским правительством ставилась задача **уничтожения кулачества как класса**, так как оно считалось основным препятствием в социализации сельского хозяйства (История Коммунистической партии Советского Союза, 1971, с.53; КПДА РА. Ф. 1. Д. 581. Л. 13). Но была и другая причина уничтожения кулачества, несмотря на все меры, предпринимаемые советским правительством, многие колхозы в 1929 г. оставались маломощными, испытывали острейшую нужду в сельскохозяйственном инвентаре и тягловой силе. Так как абсолютное большинство их сложилось на базе бедных хозяйств. К октябрю 1929 г. бедняцких хозяйств в колхозах было 70,5%, середняцких – 26,2% и служащих – 3,3%. Преобладали в основном мелкие колхозы. В среднем на один колхоз приходилось 17 хозяйств, 8 рабочих лошадей, 27 голов КРС и 40 овец (Эдоков И.П., 1987, с.83, 99-100). Поэтому еще 25 декабря 1929 г. бюро Ойротского обкома ВКП(б) отметило, что колхозы области из-за своей низкой обеспеченности скотом долгое время будут оставаться полупотребительскими. А для поднятия товарного животноводства потребуются значительные капиталовложения в порядке кредита. Только за 1930 и 1931 г. для существующих колхозов нужно будет закупить: коров – 12000 голов, овец 60 тыс. голов. Весь этот скот бюро предлагало приобрести у байства. Для этого предлагалось экономически изолировать байство от остального алтайского и казахского населения, чтобы подорвать ее влияния на эти слои и провести конфискацию средств производств «кулацко-байской верхушки», разделив по аймакам в зависимости от количества скота: а) в чисто скотоводческих аймаках (Улаган и Кош-Агач) раскулачить хозяйства с 75 и выше голов скота «в переводе на крупный»; б) в скотоводческо-земледельческих аймаках (Онгудай, Усть-Кан) раскулачить хозяйства с 50 голов скота «в переводе на крупный»; в) в смешанных аймаках раскулачить с 35 голов скота (все остальные аймаки области) «в переводе на крупный». У русских кулаков провести экспроприацию «имеющие имущества и средства производства на сумму от 2 тыс. руб. и выше». Далее бюро обкома предлагало «Все конфискованное имущество и средства производства передать существующим и вновь организованным колхозам, как алтайским, так и русским». На все эти мероприятия бюро обкома просила разрешения у Краевого комитета ВКП(б) (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 574. Л. 1-2).

Областные власти с начала 1930 г. в полный оборот развернули работы по давлению на кулачество. Так в январе в резолюции Ойротского комитета ВКП(б) отмечалось, что в

Онгудайском районе аймачным партийным комитетом не на должном уровне ведутся работы по дальнейшей изоляции байства и кулачества от другой части сельского населения: «для борьбы с кулацко-байскими элементами не были достаточно организованы батрацко-бедняцкие массы», «не могли по большевистски организовать батрацко-бедняцкие массы и в союзе со середняками повести их в наступление на капиталистические элементы». Далее в резолюции отмечалось «Благодаря низкому политическому уровню и идеологической неустойчивости партийной организации, имели место как «левые» так и, особенно, «правые» колебания. Особенно проявлялся правый уклон в практической работе: кредитование кулаков-баев, недообложение кулацко-байской верхушки, слабый темп коллективизации и т.д.». Так же Областной комитет отметил, что в работе Онгудайского АПК (аймачный партийный комитет) имеются следующие недоработки: «Значительное недовыявление кулацко-байских хозяйств для привлечения их к индивидуальному обложению», «совершенно незначительное привлечение кулаков, не сдавших в срок хлебных излишков к административно-судебной ответственности». Так же предписывалось очистить колхозы от кулаков и баев. До 15 января выявить оставшуюся байско-кулацкую часть населения аймака и обложить ее индивидуальным налогом (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 574. Л. 6-8).

Бюро обком считало, что в аймаках области ведется слабая работа по выявлению кулацких и байских хозяйств. Поэтому начали наказывать некоторых партийных работников, которые, по мнению бюро, были недостаточно жесткие. Так был объявлен выговор «уполномоченному ОблИК – по учету объектов обложения в Онгудайском аймаке» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 574. Л. 8). Бюро считало недостаточно жесткими меры по отношению к кулакам в Усть-Канском аймаке, где партийным работникам инкременировалось следующее: «а) недоучет хлебных излишков у кулаков...», «б) неиспользование в полном объеме, как мер нажима и репрессии в отношении кулаков, ст. 61 УК», так же «в) ограничения участия на торгах низкие оценки имущества кулаков, не обеспечивающих покрытие штрафов (пятикратки и др. долговых обязательств кулаков государству), поставить на вид Усть-Канскому АПК и областному уполномоченному по хлебозаготовкам т. С.». Некоторых работников сняли с занимаемой должности «Согласиться с постановлением Усть-Канского АПК о выводе из состава бюро т. Б.», который допустил «мягкотелость и нерешительность» в определении хлебных излишек у «талицких кулаков». Также были сняты с занимаемой должности участковый помощник прокурора и областной прокурор, которые «в деле талицких кулаков допустили политическую близорукость, непонимание обстановки классовой борьбы и допустили формально-бюрократическое, поверхностное расследование этого дела» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 574. Л. 5).

В данной работе выше уже отмечалось, что еще в декабре 1929 г. бюро Ойротского обкома ВКП(б) просит разрешение на проведение конфискации имущества у баев и кулаков области. Крайком ВКП(б) от 2 февраля 1930 г. официально дает разрешение на проведение раскулачивания. В постановлении отмечено, что «ускорение темпов строительства новых коллективных хозяйств, вовлечение в движение миллионных масс бедноты и середняков, – создали необходимые условия для коренного поворота от политики ограничения и вытеснения кулачества к политике его (кулачества) ликвидации, как класса. Таким образом, проведение раскулачивания является основной частью и результатом развития колхозного движения». При проведении раскулачивания в сельской местности крайком предписывал и в дальнейшем упор делать на бедноту, поэтому предлагалось организовать эти слои и уделить особое внимание на эти мероприятия (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 574. Л.15).

Также Крайком постановил «на усиление темпов коллективизации и проведение в связи с этим мер экспроприации кулачества» мобилизовать не менее 6 тыс. городских коммунистов для работы в сельской местности Западно-Сибирского Края. Далее предписывалось сформировать и послать «в деревню рабочих бригад из лучших наиболее классово выдержанных, не подверженных крестьянским настроениям беспартийных рабочих. Утвердить решение секретариата о мобилизации для колхозов 800 счетных работников. Обязать фракцию Крайсовпрофа всемерно ускорить проведение этой мобилизации». У советской власти были опасения, что при проведении коллективизации и насильственного раскулачивания могут возникнуть беспорядки, которые могут поддержать промышленные рабочие. Поэтому Крайком ВКП(б) в городах и промышленных районах среди рабочих обязал «немедленно развернуть» митинги и собрания, где наряду с другими проблемами

должны были обсудить вопросы о коллективизации и «ликвидации кулачества, как класса. К обслуживанию митингов и рабочих собраний систематически привлекать наиболее сильных и подготовленных товарищей окружного актива». А в сельской местности при проведении раскулачивания особо осторожный подход должен быть к кулакам «члены семей, которых длительное время работают на фабриках и заводах, должен быть особо осторожный подход с выяснением положения соответствующих лиц не только в деревне, но и соответствующих заводских организаций» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 574. Л. 16,18).

Также Крайком постановил во время проведения экспроприации раскулаченных разделить на 3 категории:

а) первая категория — контрреволюционный кулацкий актив, который должен быть немедленно ликвидирован путем заключения в концлагеря, в эту же категорию включили организаторов террористических актов, контрреволюционных выступлений и повстанческих организаций «перед применением высшей меры репрессии»;

б) вторую категорию должны составлять остальные элементы кулацкого актива, особенно из наиболее богатых кулаков и полупомещиков, которые подлежат выселке в отдельные местности СССР, а в пределах данного края в отдельные районы;

в) в третью категорию входят остальные кулаки, которые подлежат расселению на отведенные им за пределами колхозных хозяйств участки.

Далее в постановлении бюро крайкома ВКП(б) отмечалось, что всё конфискованное имущество должно быть передано колхозам. А выселяемым кулацко-байским семьям оставить «самые необходимые предметы домашнего обихода, некоторые элементарные средства производства в соответствии с характером работы на новом месте, и необходимые на первое время продовольственных запасов» и до 500 руб. деньгами на семью «необходимой для проезда и устройства на месте» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 574. Л. 17).

Данное решение Крайкома ВКП(б) было принято Ойротским обкомом как программа действия в дальнейшем. В постановлении заседания бюро Обкома за 6 февраля 1930 г. отмечалось «Исходя из этого, бюро ОК считает, что решение Крайкома ВКП(б) от 2 /II-30 г. целиком и полностью применимо в условиях Ойротской области и постановляет:

1. Предложить всем АПК, руководствуясь решением Крайкома от 2/II-30 г., еще энергичнее развернуть массовую работу среди батраков и бедняцко-средняцких масс для выполнения задачи сплошной коллективизации и на этой основе ликвидацию кулачества и байства

2. При практическом осуществлении политики раскулачивания целиком и полностью руководствоваться методами, указанными решениями Крайкома» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 574. Л. 9).

Областные партийные органы считали, что надо учитывать специфику коренного и казахского населения Горного Алтая, у которых зажиточная часть «баи еще сохраняли значительное экономическое и политическое влияние на окружающую бедноту и середняков» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 581. Л. 12, 14), и обком выносит решение: «Для окончательной ликвидации влияния на отдельные прослойки бедняцко-средняцких масс алтайцев и казаков со стороны байской верхушки и противодействия с их стороны мероприятиям, проводимым партией и советской властью, считать необходимым включение всех баев алтайцев и казаков в 1 и 2 категорию» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 574. Л.9).

По подсчету советских органов только в наиболее обеспеченных «байско-кулацких хозяйствах» области, которые от общего числа к 1930 г., составляли 2.7%, сконцентрировалось – 10.2% всего поголовья крупного скота. Предполагалась у них экспроприировать «не менее чем в 20 тыс. голов, что при средней головы крупскота в 35 рублей даст 700.000 рублей» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 581. Л. 15-20).

Одним из самых распространенных способов борьбы с кулачеством и байством стало обложение их хозяйства индивидуальным непосильным налогом или нереальным заданием, при невыполнении которых отбирали все имущество в колхоз. ««Наложить на кулака задание, чтоб с него пух летел»». В некоторых случаях имущество кулаков подвергалось

распродаже с аукциона. Раскулаченных выгоняли с мест проживания им «давали волчьи билеты, с правом проживания в селе не более 3-х суток. Народ, будучи запуганным, этих раскулаченных не пускал. Последние уезжали неизвестно куда, возможно, что и в банды» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 576. Л. 9, 12).

Многие местные партийные органы области допускали избиение и террор во время раскулачивания: «Когда мужики спрашивали местных коммунистов, допустимо ли при раскулачивании избиение, то они им отвечали: «тогда, когда это нужно». Так секретарь Усть-Канского айкома ВКП(б) Д. с некоторыми аймачными работниками допрашивал раскулаченных, применяя метод избиения, даже детей 12 и 14 лет. «Когда производили избиение, то в это время в другой комнате за стенкой заставляли комсомольца Ч. играть на гармошке и петь песни, чтобы заглушить крики избиваемых». Этот же секретарь «с группой своих головорезов, ночами выводил кулаков на реку Коксу и ставил их там под расстрел». Было не мало случаев в области, когда выгоняли на мороз жен и детей кулаков без верхней одежды и босиком, или раздетых кулацких детей садили в холодный подвал. В Улаганском аймаке за два дня было арестовано 22 человека «из 60 намеченных к раскулачиванию». В этом же районе был создан отряд «в 150 человек (аймак исключительно национальный), который рыскал по аймаку и наводил панику среди населения, в результате, покончили жизнь самоубийством (задавились) семь алтайцев, из которых один кулак- бай, остальные бедняки и середняки. Были случаи самоубийства и в других аймаках» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 576. Л. 12-14).

С экспроприации имущества кулаков, участились случаи мародерства и хищения. «Нарследователь К. предложил Нач. Милиции Н. снять с кулаков хорошие шубы, из которых дать одну – ему К.». Когда начальник милиции не согласился, то К. по этому вопросу обратился находящемуся в данном районе областному прокурору и председателю областного суда, «которые и разрешили раздеть кулаков. Однако и после этого Нач. милиции не согласился, тогда председатель АИК ... дал официальное предписание раздеть кулаков и последние были раздеты. К. получил для себя шубу». Были и другие случаи, когда у кулаков отбирали шубы (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 576. Л. 14).

Председатель «Красноярского сельсовета Уймонском аймака, М. – чл. партии, взял от раскулаченного О. тушу свинины и унес домой: пред. Уймонской Кредитки – партиец, Г. забрал себе ведро меду, брали мед и другие работники». В с. Теректа у кулака П. забрали золотое обручальное кольцо, а у его жены «помимо вещей личного обихода спринцевальную кружку». В с. Усть-Кокса комиссия, которая проводила раскулачивание «самые лучшие вещи забрала себе». «В Карасукском сельсовете был факт, когда комиссия при раскулачивании кулака Л. обнаружила варенье, то бросила опись имущества взяли ложки и набросились есть варенье». В с. Сайдыс по распоряжению секретаря ячейки Ч., было отобрано и растащено имущество у батрачки Б., якобы как у жены кулака, а также с ее руки сняли серебряное кольцо. «Аймачные работники Усть-Кана забрали для личного пользования вещи: секретарь АПК Д. – доху, Л. Зав. АЗО – доху, Т. – лошадь с упряжью, пиджак, одеяло и др. вещи», а кандидатка в партию Ч. – три шали и т.д. Некоторые секретари АИК «считали положительным фактом» когда бедняки и батраки раздевали кулаков и забирали их вещи «едет бай в хорошей шапке или шубе, его останавливают, снимают с него шапку или шубу одевают на себя, а ему отдают свое барахло» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 576. Л. 14-16).

В Кош-Агачском аймаке «Кроме основных средств производства, скота у баев брали предметы домашнего обихода: чашки, ложки, зеркала, полотенца, казаны, чайники, не говоря уже о ценных меховых шубах, коврах, кочемных юртах» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 578. Л. 15).

Все эти действия поощрялись представителями советской власти. «Контрольная Комиссия в лице Преда Р. эти безобразия поощряла ... одна из ячеек своему члену вынесла парт взыскание за присвоение чужого имущества, КК это отменила» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 576. Л. 15-16).

К 15 марту 1930 г. было раскулачено 1166 хозяйств. Из них «было подвергнуто аресту кулаков – 303». Всего арестовано и выслано за пределы области «с общим количеством членов семей – 1256 чел». Из общего числа раскулаченных половину составляли «камы,

ярлычки, середняки, даже бедняки не платящие налога батрака» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 576. Л. 19).

Перегибы были и в антирелигиозной кампании, так в докладной Обкома посланной в Крайком ВКП(б) отмечалось: «Была дана твердая директива ликвидировать, как класс всех служителей религиозного культа, не взирая на их ранги и социально-имущественное положение. Эта директива выполнена в точности и полностью по всей Области. Но дело не в этом. Сам этот факт по себе бледнеет перед тем, что творили в части «антирелигиозной» пропаганды». Далее в документе отмечалось «В селе Майма-Чергачак комсомольцы залезли на кресты и иконы иконостаса и кричали толпе верующих – «молитесь на нас», причем один из коммунистов стрелял из револьвера в кресты стоящие на церкви». В с. Тюдрала после закрытия церкви «зашли в последнюю и всем «богам», – «боженятам», выкололи глаза. Всю церковную утварь забрали, церковные ризы, рясы и разные халаты продаются через общества потребителей, – член партии Р. сшил себе из ризы френч, а другой коммунист Б. сшил брюки». Во время экспроприации у кулаков «ломали кресты, жгли иконы, рвали церковные книги и т.д., производя это на глазах верующих». Особенно этим отличился упомянутый выше секретарь Усть-Канского аймачного парт комитета Д. (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 576. Л. 16).

В некоторых случаях доходило «до такой глупости, что отбираемые иконы, религиозные книги, сдавали Госторгу, а сидящие дураки в последнем принимали (село Татарка)». Начатая «антирелигиозная» компания в области посеяла такой «страх и панику на служителей культов», что «последние в частности муллы и камы сами начали сдавать костюмы, бубны и др. принадлежности» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 576. Л. 16-17).

Вся эта антирелигиозная деятельность вызвало недовольство среди крестьянского населения «В селе Майма-Чергачак, один из граждан пришел на общее собрание, принес с собой ранее отобранную поповскую ризу, которую стал показывать собранию и говорит: «Вот смотрите граждане, как они обращаются с нашим церковным имуществом»» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 576. Л. 17).

Коренное население была не довольна допущенными во время сплошной коллективизации грубейшими и бестактными действиями по отношению к их традициям и обычаям: «обобществляли женское седло, считавшимся для мужчин неприкасаемым, насмехались над шаманскими бубнами, заставляли обрезать косы, снимать чегедек, надсмехались над обычаем пить чай с солью, нарушали традиционное право на женскую половину в жилищах, насильно выселяли из юрт т.д. т.п.» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 579. Л. 23).

Из-за перегибов в политике сплошной коллективизации, администрирования и связанные с этим извращения, как в хозяйственной деятельности, так и в раскулачивании, бестактного отношении к устоявшим обычаям, традициям и религии все это вызвало недовольство крестьян. В результате всего этого начались противодействия коллективизации.

Некоторые, в том числе бедняки и середняки, стали уезжать с мест жительства, бросая свое имущество (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 576. Л.13; Ф. 1. Оп. 1. Д. 578. Л. 16). Участился массовый забой скота, распродажа и уничтожение имущества: «выдвинули провокационный лозунги «Режь скот, оставляй одну корову, коммуна прокормит», «Сначала обеднеться, а потом объединиться». Так середняк А. на предложение вступить в колхоз ответил: ««Я в колхоз не пойду до тех пор, пока не распродам свое хозяйство, ведь в коллективе собрались все лодыри, лентяи и ничего не делают, а занимаются самосъеданием»». В Лебедском аймаке в с. Байгол кулак Л. «имел хорошую пасеку. Собираясь бежать с Ойротии всех пчел убил» уничтожил 30 рамочных ульев (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 578. Л. 4-5). Некоторые недовольные крестьяне почти насильно загнанные в колхозы начали заниматься вредительством во время производственной деятельности «... проводить явный саботаж, не выход на работу хозяйственное вредительство, изнурение, замаривание скота, замораживание телят, ягнят, факты поджога имущества и т.д. Все это, несомненно, влияло в сторону стихийного развала колхозов» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 576. Л. 24).

С 1 января по 20 февраля 1930 г. в 6 аймаках (Уймонском, Усть-Канском, Онгудайском,

Лебедском, Чемальском, Мйминском) за контрреволюцию осудили 153 человек, из них 9 приговорили к расстрелу, а остальным дали сроки от 5 до 10 лет. Осужденным инкриминировалась в основном агитация за уничтожение скота (112 проговорены к различным срокам лишения свободы, 6 – к расстрелу), и агитация против коллективизации (30 приговорены к различным срокам лишения свободы, 3 – к расстрелу), 1 человека осудили за агитацию против мероприятия советской власти, и 1 за вредительство в коммуне. А за предыдущий 1929 г. «до поворота политики и ликвидации кулака-бая, как класса» в области за контрреволюцию было осуждено всего 15 человек из них: дали условный срок – 1, до 3 лет лишили свободы – 3 человек, до 5 лет – 6, и свыше 5 лет – 3, к расстрелу приговорили – 2 осужденных (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 578. Л. 32, 34).

Ведущей отрасли хозяйства области животноводству из-за политики сплошной коллективизации был нанесен тяжелый урон. По приблизительному подсчету Статотдела «по 8 аймакам (за исключением Улаганского и Кош-Агачского)» на 15 марта 1930 г. в области резко сократился скот, по сравнению с 1929 г. Если КРС в 1929 г было 186598, то к 15 марта 1930 г. стало 105993, убыло 43.2%, поголовье лошадей с 102342 уменьшилось до 73099, убыло 28.58%, овец с 197666 до 120734, убыло 35.50% (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 590. Л. 12; Демидов В.А., 1970, с.154-155). По всей области в процентном соотношении к концу марта 1930 г. поголовье лошадей сократился на 22%, КРС – на 33,1%, овец – на 31,5%. Гибель молодняка составила более 60% (Эдоков И.П., 1987, с.89).

Начались и вооруженные выступления крестьян. В начале февраля 1930 г. в районе с. Купчегень появились отряды Бочкаревых и Т. Ташкинова. В ущельях р. Аргут (Уймонский аймак) окопался отряд Атамановых. Мелкие группы появились в Усть-Канском, Шебалинском аймаках. «В Улаганском аймаке – Чолушмане – баи стреляли в пред. юрт. совета Ч., сплывающего бедноту и середняков» (Демидов В.А., 1970, с.155-156; Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области 1973, 201; КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 578. Л. 6).

В области сложилась опасная ситуация, некоторые доведенные до отчаяния крестьяне готовы были поддержать вооруженные выступления. Среди населения поползли слухи «о большой банде в Бийском округе, Семипалатинске и т.д.». По этому поводу начались угрозы крестьян: ««Пусть лучше не говорят о колхозе, я слышал, что сюда придет сильная банда, которая всех коллективистов будет расстреливать» (середняк Ковалев)»... «Все равно всем колхозникам головы поотшибаем, только до весны, а там отъезжают на наших лошадях. Сейчас уже есть банды, а весной их больше будет и они придут сюда, тогда мы им покажем, как отбирать наше имущество в колхозы (кулак Калинин)»... «Вы насильно население гоните в колхоз, обманываете крестьян, живете за счет чужого имущества, но это вам не пройдет, обождем до весны»» (середняк Волегов),... «В1919 году Колчак и тот меньше арестовывал и гонял, а теперь «наши товарищи» что делают: Видимо всех переарестуют и сошлют. Вот смотри сейчас гонят пешком, но придет время наши поедут на конях. Надо всем убежать, а то ведь всех заберут. Весной будет нападение со всех сторон, и разгонят этих правителей» (середняк Соколов)». В Лебедском аймаке были расклеены лозунги, написанные химическим карандашом «Здравствуй Советская Власть, долой коммуны, долой коммунизм!»» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 576. Л. 20, 21).

Получив тревожные сигналы, Сибкрайком ВКП(б) 11 февраля 1930 г. направил в Горный Алтай специальную комиссию во главе с Л.А. Папердэ для расследования фактов извращений в колхозном строительстве. Комиссия крайкома вскрыла в Горном Алтае грубейшие нарушения принципов колхозного строительства, широкое применение методов администрирования, игнорирования национальных особенностей хозяйства и быта алтайского населения, создания коммун с обобществлением имущества вплоть до предметов личного обихода и т.д.

По материалам комиссии 20 февраля 1930 г. бюро обкома предложило аймачным парткомам тщательно проверить список раскулаченных и восстановить имущество пострадавших середняков и бедняков. Пострадавшим во время экспроприации середнякам и беднякам было возвращено отобранное имущество и восстановлены избирательные права. В заседании бюро Ойротского Обкома ВКП(б) от 28 февраля 1930 г. отмечалось, «преступное, невнимательное и нерешительное отношение к исправлению перегибов к середняку при раскулачивании со стороны Шебалинского АПК, объявить выговор членам

бюро АПК». Начались работы по устранению перегибов «в Лебедском аймаке из 146 раскулаченных хозяйств – 29 уже восстановлены, как неправильно раскулаченные и 13 хозяйств требуют тщательной проверки». В Усть-Канском аймаке из 237 раскулаченных хозяйств (или 9 % от всех хозяйств аймака) восстановили после проверки 109 (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 574. Л. 10-14; Ф. 1. Оп. 1. Д. 581. Л. 2).

Крайком партии считал необходимым решительно и твердо покончить с администрированием в колхозном движении и предоставить крестьянству действительную возможность выбора форм коллективизации. В телеграмме секретаря крайком Р.И. Эйхе от 26 февраля отмечалось, что должны быть распущены те колхозы, в которых население не хочет оставаться, и наказаны те, кто допустил перегибы в области (Демидов В.А., 1970, с.155-156).

Важнейшее значение в исправлении перегибов имело постановление ЦК ВКП(б) от 14 марта 1930 г. «О борьбе с исправлениями партийной линии в колхозном движении». ЦК обязал партийные организации прекратить практику принудительного вовлечения крестьян в колхозы, не допускать принудительного обобществления жилых построек, мелкого скота, птицы, нетоварного молочного скота. А также попытки перескочить через сельскохозяйственную артель к коммуне (Эдоков И.П., 1987, с.92).

Состоявшийся 16 марта 1930 г. пленум Ойротского обкома, признал, что допущенные извращения при социализации сельского хозяйства привели к ухудшению политического и экономического состояния в области. За перегибы в колхозном строительстве были исключены из партии члены бюро обкома 5 человек, члены областной контрольной комиссии 3 человека. Были распущены бюро Усть-Канского, Улаганского аймачных партийных комитетов. Привлечено к партийной ответственности 53 человека (Эдоков И.П., 1987, с.91-92; Очерки истории Горно-Алтайской областной организации КПСС, 1971, с.115).

Ликвидация партийными органами извращений в колхозном строительстве сопровождался массовым уходом крестьян с этих хозяйств. Искусственно созданный социалистический сектор в деревне, особенно стал распадаться с появления статьи И.В. Сталина «Головокружение от успехов». Она была опубликована 2 марта 1930 г., в ней говорилось о недопустимости применения к середняку мер насилия и принуждения, обязательно должно соблюдаться принцип добровольности, в качестве основной формы хозяйства рекомендовалась сельскохозяйственная артель. Одновременно был опубликован Примерный Устав сельскохозяйственной артели, в котором давался ясный ответ, что должно обобществляться при вступлении крестьян в колхоз. Устав предоставлял колхозникам право иметь приусадебный участок, корову и мелкий продуктивный скот (История Коммунистической партии Советского Союза, 1971, с.65).

Уровень коллективизации в области понизился с 90% в период «сплошной коллективизации» до 10% к началу апреля 1930 г (Демидов В.А., 1970, с.156-157). «Мужики узнав о том, что в колхоз силой загонять нельзя, в беспорядочном состоянии повалили из колхозов, при этом местами работникам говоря: «Вы нам устанавливали срок 24 часа, или пять дней, теперь мы вам предъявляем пятидневку – не мешайте нам». При развале некоторых колхозов крестьяне начали расхищать имущества «дело доходило буквально до драки». В отдельных селах выхода с колхоза отмечали как праздник «девки, мужики, бабы одеваются в праздничные наряды, гуляют целыми толпами, ездят на лошадях по улице с гармошкой, песнями, гостят друг у друга, пьянство устраивают и т.д.» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 576. Л. 22-23).

Во многих случаях сами советские органы на местах не были готовы к переустройству на новый лад, что и содействовало распаду спешно организованных коллективных хозяйств. Так середняк с села Иня на собрании выступил: «... всех погнали в коммуны, стали скот сгонять, лошади режут, коровы мычат, собаки лают, женщины воют, дети плачут, ужас настал и в один аил поселили по четыре семьи и М. говорит, кто не вступит в три дня отберем имущество и весь скот. Испугавшись этого записались, а что получилось? Сейчас скот везде шляется, бесхозяйственность, скот голодом, поэтому я тоже выйду, лучше жить одному или вступлю в сель-хоз артель» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 576. Л. 23-24).

Статья И.В. Сталина способствовала замешательству и в самих партийных органах «на

местах, а так же и в областных организациях буквально замерло, все ждали какого-то «страшного суда», а стихия между тем разыгралась. Многие коммунисты, в целом ячейки, впали в панику, растерялись, начали проявлять трусость, боязнь идти в массы». В некоторых случаях партийные ячейки на местах становились «если не инициатором стихийного развала колхозов, то, во всяком случае, соучастниками». Отдельные партработники начинали уверять крестьян, «что статья Сталина это обман, ложь и вообще, что пишут в газетах не верить, ибо в печати обманывают и ряд других разновидностей оппортунизма» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 576. Л. 24).

Областная партийная организация, не медля, активно включилась в работу по исправлению допущенных ошибок и извращений. Для оказания помощи местным партиячкам была мобилизована большая часть областного и аймачного партийного, советского и комсомольского актива. Из областного центра было направлено 66 ответственных работников и слушателей совпартшколы. Во всех аймаках были проведены пленумы партийных комитетов, инструктивные совещания с партийным, советским и комсомольским активом. Коммуны переводились на Устав сельхозартели, колхозникам был возвращен мелкий скот. Деятельную помощь в пропаганде и организации колхозного движения оказали посланцы партии – ленинградские рабочие 25-тысячники. В Горный Алтай их прибыло 14 человек. Так на руководящих постах в партийном, советском аппарате и колхозах были поставлены 10 рабочих, прибывших в область на временную работу из г. Иваново-Вознесенска. Приезд новых работников имел положительный результат «поднимается авторитет Соввласти, партии, вообще, верят приезжим работникам, а местные парт. орган. еще не восстановили своего авторитета» (Эдоков И.П., 1987, с. 92, 97-99; Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области 1973: 203; КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 581. Л. 8).

В апреле 1930 г. повсеместно прошли перевыборные собрания в оставшихся колхозах, на которых обсуждались вопросы колхозного строительства, вскрывались ошибки и извращения, намечались меры по их устранению. Эти же вопросы были в центре внимания VII партконференции и III сессии облисполкома в мае 1930 г. (Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области, 1973, с.202).

Значимую роль в закреплении успехов в колхозном движении сыграли и экономические меры, изложенные в постановлении ЦК ВКП (б) от 2 апреля 1930 г. «О льготах для колхозников». По льготам скот, птица освобождались от налога на два года, находящиеся как в коллективном, так и в индивидуальном пользовании. На половину сокращалась сумма налога на обобщественные огороды. Покрывалась вся просроченная задолженность по кредитам, снималась задолженность по землеустройству, а также все штрафы и судебные взыскания, наложенные до 1 апреля 1930 г.

Государство увеличило завоз сельскохозяйственных орудий и машин для социалистического преобразования сельского хозяйства в Горный Алтай, было ввезено конных плугов – 868, борон – 949, молотилок – 34 и т.д. Благодаря этим мерам была успешна проведена посевная кампания. Увеличилась по сравнению с 1929 г. и финансовая помощь государства особенно животноводству. Об увеличении суммы кредита и характер его распределения по отраслям колхозного производства можно судить по следующим данным. Если на развитие полеводства в Горном Алтае в 1929 г. государством было направлено 75 тыс. руб. а в животноводство – 98,4 тыс. руб., то в 1930 г. соответственно – 32.2 тыс. и 307.5 тыс. рублей.

В мае 1930 г. состоялась VII областная партийная конференция, на которой были подведены итоги по исправлению перегибов в колхозном движении. В резолюции по отчетному докладу обкома партии отмечалось, что работа по исправлению ошибок дала положительный результат. Восстанавливается доверие алтайского населения к мероприятиям партий, намечается перелом в настроении бедняцко-средняцких масс в сторону колхозов (Эдоков И.П., 1987, с.99-100, 101).

Благодаря большой организаторской и политической работе, финансовой и материальной поддержке с весны 1930 г. в Горном Алтае начинается медленный, но неуклонный рост коллективных хозяйств. К началу мая в колхозах состояло 20.4%

крестьянских хозяйств, а на 10 июня – 22.2%. Большое внимание партийными органами уделялось организационно-хозяйственному укреплению колхозов. Внедрялась сдельная оплата труда, организовывались полеводческие бригады. Весной 1930 г. были проведены курсы руководителей колхозов, на которых обучалось 90 человек, из них половина алтайцы. Летом по всем аймакам были организованы краткосрочные курсы бригадиров по вопросам силосования и организации труда (Эдоков И.П., 1987, с.100; Демидов В.А., 1970, с.158).

В дальнейшем на развитие коллективизации в СССР огромную роль сыграл XVI съезд ВКП(б), состоявшийся в июне-июле 1930 г. В решении съезда была определена конкретная программа развития колхозного строительства как в стране в целом, так и в национальных районах, ориентированную на сельскохозяйственную артель как основную форму колхоза. Наряду с артелью в некоторых районах не зернового характера, а также в национальных районах Востока, на первое время может распространение товариществ по общественной обработке земли как переходной формы к артели (Эдоков И.П., 1987, с.102).

Решение съезда повлияло на ситуацию в области так до 1 октября 1930 г. крестьяне уходили со сложных колхозов «коммун с.х. артелей – Чемальской, Лебедской и Онгудайской». Но многие вступали в простейшие объединения «а прилив идет в менее сложные коллективы ТОЗ-ы и ТОЖ-ы – Уймонский, Кош-Агачский, Онгудайский, Успенский и Лебедской». Продолжался «отлив из колхозов» в четырех аймаках: Майминском, Усть-Канском, Уймонском и Кош-Агачском. Рост коллективизации продолжился в трех аймаках: Успенском, Лебедском и Онгудайском (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 611. Л. 2).

Но еще до XVI съезда ВКП(б), в докладной записки от 18 марта 1930 г. уполномоченный областного комитета по Кош-Агачскому аймаку отмечал, что в аймаке «в части выправления ошибок по коллективизации нужно будет провести перевод» от животноводческих колхозов в животноводческие товарищества (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 578. Л. 17). В другой докладной, отправленный Ойротским обкомом в Крайком ВКП(б) от 30 марта 1930 г., также было отмечено: «Нужно сказать, что в ряде мест население, в частности середняки, к простейшим и менее сложным формам колхозов (ТОЗ, артель) относятся одобрительно» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 576. Л. 24-25).

В письме бюро обкома Ойротии, посланным всем АПК, в январе 1931 г. рассматривалось состояние области «по вопросу развертывания работ в области коллективизации», где отмечались причины переходов от сложных колхозов в простейшие объединения: «а) бесхозяйственность в колхозах, внутри-колхозная «неразбериха» – отсутствие внутреннего распорядка и организации труда; б) легкое отношение руководителей АПК и ячеек, руководителей колхозов к выходам, отсутствие какой бы то ни было работы за колхозные ряды, не налаженность систематической работы с беднотой и батрачеством» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 611. Л. 2).

К концу 1930 г. коллективизация алтайского населения значительно отставала от русского. «Алтайское население коллективизировано на 14%, а русское на 20%». От всего населения области удельный вес алтайцев в коллективных хозяйствах составлял – 31%. В коллективизации коренного населения особенно неблагоприятными были аймаки Майминский, Шебалинский, Успенский и Лебедской. Снижение удельного веса алтайцев в колхозах продолжался и в национальных аймаках, так в Онгудайском на 1 июля было 67% а на 1 октября стало 64%. В Усть-Канском районе в докладной записке Областному Комитету ВКП(б) от 8 апреля 1930 г. отмечалось: «... факты, имеющие место в ряде сельсоветов (Кырлык, Ябоган, Сугаш, Соузар и др.) когда алтайцы не хотят разговаривать о коллективизации, – гробовое молчание на собраниях, выходя на улицу, договариваются не вступать в прения и не выносить постановлений» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 611. Л. 2; КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 581. Л. 8).

Процессы, происходившие в области в конце 1929 г. и первого квартала 1930 г. имели большой резонанс в дальнейшем, которые отразились в последующие годы на экономике региона. Из-за перегибов в политике сплошной коллективизации главной отрасли области животноводству был нанесен тяжелый урон. Если поголовье скота в области после гражданской войны с 1924 года увеличивалось, то с конца 1929 г. по март 1930 г. резко сократилось, отбрасывая область на 4-5 лет назад (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 590. Л. 11).

Общее условное поголовье скота в Ойротии за 1929 г. была превзойдена только 1970-х годах, а численность КРС 1929 г. так и не была достигнута за весь советский период (Макошев А.П., Макошева А.А., 2006, с.22; Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области, 1973, с.219).

Таким образом, самые динамичные процессы первого этапа коллективизации в области начались с конца 1929 г. и особого пика достигают в первом квартале 1930 г. Это чрезмерное форсирование процесса коллективизации и начала политики уничтожения кулачества как класса с вытекающими отсюда последствиями. На всё это крестьянство ответило резким противодействием. Из-за допущенных извращений в политике сплошной коллективизации ведущей отрасли хозяйства региона животноводству был нанесен сильный урон. Вскрылись многие недоучеты партийных органов, связанные с частнособственнической ментальностью крестьян и национальными особенностями коренного населения. В последующем невыполнение первого пятилетнего плана по многим основным показателям областью тесно связано с событиями, происходившими в рассматриваемый период.

Библиографический список

Архивные документы

1. КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 448. Л. 1,2,3.
2. КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 481. Л. 89-98
3. КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 574. Л.1,2,9,10,14,15-18.
4. КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 576. Л. 9,11,12-15,19,22-24.
5. КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 578. Л. 4-5,6,15,16,32,34,98.
6. КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 579. Л. 23.
7. КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 581. Л. 2,8.
8. КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 590. Л. 11,12.
9. КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 611. Л. 2.

Литература

1. Горный Алтай: история социального развития первой половины XX века / Отв. ред. О.А. Гончарова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. – 346 с.
2. Демидов, В.А. Боевая молодость / В.А. Демидов. – Горно-Алтайск, 1963.– 126 с.
3. Демидов, В.А. К социализму, минуя капитализм / В.А. Демидов. – Новосибирск: Наука, 1970. – 224 с.
4. Екеев, Н.В. Социально-экономическое развитие деревни Горного Алтая в 1920-х годах / Н.В. Екеев. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1988. – 208 с.
5. История Горного Алтая. В трех томах. Том II. 1900-1945 гг. / Под ред. Н.М. Екеевой, Н.Ф. Иванцовой. – Бийск, 2000. – 223 с.
6. История Коммунистической партии Советского Союза. В 6-ти т. / Главн. редакция: П.Н. Поспелов, т. 4, кн. 2. Коммунистическая партия в борьбе за построение социализма в СССР (1921-1937 гг.). Книга вторая (1929–1937 гг.). – М.: Политиздат, 1971. – 607 с.
7. Макошев, А.П. Сопряженный анализ динамики численности населения и развития сельского хозяйства Республики Алтай (конец XIX – XXI вв.) // Алтай – Россия: через века в будущее: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной

250-летию вхождения алтайского народа в состав Российского государства. (16 – 19 мая 2006) / А.П. Макошев, А.А. Макошева. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2006. – Т. II. – С. 19-25.

8. Очерки истории Горно-Алтайской областной организации КПСС / Гл. ред. Н.С. Лазебный. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1971. – 394 с.
9. Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области / Л.П. Потапов. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1973. – 540 с.
10. Потапов, Л.П. Очерки по истории алтайцев / Л.П. Потапов. – М-Л., 1953. – 442 с.
11. Потапов, Л.П. Очерк социалистического строительства у алтайцев в период коллективизации / Л.П. Потапов. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское книжное издательство, 1961. – 84 с.
12. Эдоков, И.П. Работа партийных организаций области по коллективизации крестьянских хозяйств и укреплению колхозного строя (1927-1937 гг.) // Ученые записки / И.П. Эдоков. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское книжное издательство, 1974. – № 11. – С. 11-18.
13. Эдоков, И.П. Коллективизация в Горном Алтае / И.П. Эдоков. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1987. – 244 с.